

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 448–454

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 448–454

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-448-454>

Научная статья

УДК 94(47)+929 Устрялов

«Открывается панорама подлинно новой эпохи» (советский «эксперимент» в трактовке Н. В. Устрялова)

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Аннотация. В статье рассматривается общественная и политическая позиция яркой персоны российской эмиграции «первой» волны Николая Васильевича Устрялова. На материале разнообразных источников проанализировано его отношение к ключевым вопросам государственного строительства, сформировавшееся под влиянием радикальной социально-политической трансформации в России. Важнейшие среди них – восстановление государственности России в новых исторических обстоятельствах, сущность и эволюция большевизма, культурная и мировоззренческая ориентация интеллигенции, место и роль СССР в условиях обострения международных отношений и угрозы фашизма.

Ключевые слова: революция, большевизм, власть, СССР, идеология, эмиграция, интеллигенция

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Народный контроль в системе советской демократии: институционализация, формы и методы осуществления, проблемы преемственности» № 21-011-43027).

Для цитирования: Митрохин В. А. «Открывается панорама подлинно новой эпохи» (советский «эксперимент» в трактовке Н. В. Устрялова) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 448–454. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-448-454>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“A panorama of a truly new era opens” (Soviet “experiment” in the interpretation of N. V. Ustryalov)

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Abstract. The article examines the public and political position of an outstanding personality of the Russian emigration of the “first” wave of Nikolai Vasilyevich Ustryalov. On the basis of various sources, his attitude to key issues of state construction, formed under the influence of a radical socio-political transformation in Russia, is analyzed. The most important among them are the restoration of Russian statehood in new historical circumstances, the essence and evolution of Bolshevism, the cultural and worldview orientation of the intelligentsia, the place and role of the USSR in conditions of aggravation of international relations and the threat of fascism.

Keywords: revolution, Bolshevism, power, USSR, ideology, emigration, intelligentsia

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “The people’s control in the system of a Soviet democracy: institutionalization, forms and methods of implementation, problems of continuity” No. 21-011-43027).

For citation: Mitrokhin V. A. “A panorama of a truly new era opens” (Soviet “experiment” in the interpretation of N. V. Ustryalov). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 448–454 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-448-454>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Событием, радикально изменившим ход мировой истории XX в., стало крушение Российской империи и последовавшая вслед за этим трансформация общественного уклада, всей социально-политической системы страны. Итогом этих невиданных социальных изменений стало

рождение Советского Союза – государства, оказавшего беспрецедентное влияние на мировой общественно-политический процесс.

Став влиятельным игроком в мировой геополитике, СССР, разумеется, не был обделен вниманием как со стороны друзей, так и со сто-

роны противников. Ускоренная модернизация экономики, победа во Второй мировой войне, непревзойденные достижения в науке, технике, освоении космоса – все это и многое другое вызвало пристальный интерес и разнообразную реакцию во всем мире.

Любопытно, что и после самоликвидации страны в 1991 г. интерес к советскому проекту не только не ослаб, но и усилился. Однако здесь, наряду с вполне добросовестными попытками «докопаться» до истины, разобраться в хитросплетениях советского времени, стала просматриваться линия на тотальное шельмование, очернение, «ревизию» прошлого. Увы, история в очередной раз стала «полем брани» и заложницей информационного, культурного и психологического противостояния разных центров силы. На наш взгляд, в рамках этой незатухающей и общественно значимой дискуссии особый интерес представляют свидетельства непосредственных участников тех или иных исторических событий, документы и материалы, связанные с их деятельностью.

К числу ярких персон, заставших время качественных изменений российской государственности, без сомнений, относится выдающийся русский мыслитель, профессор и общественный деятель Николай Васильевич Устрялов. Его общественная позиция сформировалась под влиянием бурных событий Гражданской войны и последовавшим вслед за ней советским строительством. Будучи сторонником «белой борьбы», Н. В. Устрялов принимал самое деятельное участие в работе Омского правительства. Позже, применительно к этому периоду своей жизни, он писал: «Я активно прошёл его (путь. – В. М.) до конца со всей верой, со всей убеждённостию в его спасительности для родной страны»¹.

К началу 1920 г., уже после падения правительства А. В. Колчака, Н. В. Устрялов перебирается в Харбин, где и приходит к выводу о необходимости прекращения гражданского противостояния в России. Без двусмысленностей эта позиция нашла отражение в статье «Перелом» в сборнике, посвященном генералу А. А. Брусилову. Автор писал: «Выясняется с беспощадной несомненностью, что путь вооружённой борьбы против революции – бесплодный, неудавшийся путь. Жизнь отвергла его»². В статье «Врангель», обращаясь к самому генералу и его сторонникам (включая П. Б. Струве), Н. В. Устрялов призывает избежать «крымской Вандеи», «новых потоков русской крови». С его точки зрения, именно поддержка просоветской линии генерала А. А. Брусилова могла бы стать «праздником и настоящим национальным счастьем». Интересы страны требуют встать на путь примиренчества – «трудный, жертвенный, не сулящий чудес, но необходимый»³.

Следует отметить, что ядром политической позиции Н. В. Устрялова, начавшей складываться

еще до Крымской катастрофы, стала мысль о национальном характере русской революции, несмотря на декларируемый интернационализм. Это нашло отражение в легендарном сборнике «Смена вех», одним из авторов которого он был. Причудливая диалектика истории, утверждал Устрялов, неожиданно выдвинула советскую власть «на роль национального фактора современной русской жизни», «окружила большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе». На этом фоне антибольшевистский национализм «на практике потускнел и поблек, вследствие своих хронических альянсов и компромиссов с так называемыми союзниками»⁴.

Кризис идеологии антибольшевистского лагеря, превратившегося в «нестройную многоголосицу беспочвенных и враждующих “общественных течений” актуализировал задачи другого пути – преодоления революции через саму себя. В статье «Над бездной», написанной под впечатлением Кронштадтского восстания, Устрялов утверждал, что жизнь вынудит «красный центр» включиться в национальную работу по решению задач, стоящих перед страной. «Доктринерство и утопизм имеют свои пределы... разрушение старого закончилось... нужен экономический Брест, только быстрый и трезвый учёт властью господствующих настроений может спасти страну от окончательной катастрофы и неслыханного распада»⁵.

Таким образом, по убеждению ученого, изживание химеры коммунизма («обмирщение красной церкви»), освобождение от крайностей «зенитного» периода и переход общественного развития в созидательное русло дает шанс на будущий «ренессанс»⁶. Продолжение же ортодоксального коммунистического эксперимента «грозит свести на нет все, воистину блестящие, политические достижения Советской власти за эти три с половиной года»⁷.

Какой же в этой обстановке должна быть позиция патриотически настроенной общественности? Н. В. Устрялов так отвечает на этот вопрос: «Создавшееся положение повелительно диктует русским патриотам ликвидацию тактики саботажа и всемерное сотрудничество с революционной властью, несмотря на её красную оболочку»⁸.

Наряду с критикой разных проявлений антибольшевистской борьбы с начала 20-х гг. профессор Устрялов все большее внимание уделяет анализу деятельности советского режима, пытается прогнозировать его будущее. С его точки зрения, важнейшими элементами в рамках «органического самоопределения» нового политического порядка должны были стать: а) сильная диктаторская власть, опирающаяся на армию и кадры, выдвинутые самой революцией; б) внешняя политика, направленная на достижение реальной связи с иностранными державами, создание условий, благоприятствующих привлечению иностранного капитала; в) абсолютное отрицание

реставрации старого порядка и сопровождавших его институтов и сословий; г) постепенное отмирание коммунистической догматики в рамках осуществления практической политики.

Эта программа «завершения затянувшейся революции» и, по мнению автора, во многом повторявшая мотивы белого движения 1919 г., была вполне способна вывести страну на путь «здорового и плодотворного развития»⁹.

Следует отметить, что тема «обмирщения коммунистической «церкви» как необходимого условия достойного будущего постоянно присутствовала в публикациях Н. В. Устрялова. В одной из статей, которая так и называется – «Обмирщение», он писал: «Дух жизни» рвется из всех щелей, преображая идею и покоряя ее себе. Это обмирщение – есть истинно действенная глубоко плодотворная самокритика русской революции»¹⁰. Необходимая органичность государства не может быть достигнута с помощью «канонизированных коммунистических схем». Сама жизнь заставит уйти в прошлое такие догматы «коммунистической церкви» как «перманентная революция», «мировая революция» и необходимый, по мнению некоторых, «отказ от Отечества».

Очень характерен в этой связи спор Н. В. Устрялова с профессором А. С. Яценко, призывавшим отказаться от Отечества (национальных интересов. – *В. М.*) во имя интересов человечества. По мнению Н. В. Устрялова, превращение мира «в одно хозяйственное целое не должно убивать ни национальных культур, ни национальных особенностей», «интернационал» по самому смыслу этого термина есть не уничтожение наций («нивелировка», «единый человеческий народ»), а установление постоянной и положительной связи между ними¹¹.

Другую крайность в планах обустройства российского будущего, связанную с либерализацией западного образца, Н. В. Устрялов также отторгал. По его мнению, «запад утратил органичность государства», а сама «формальная парламентская арифметическая западная демократия» не отражает «содержания народной жизни», «характера народных переживаний» и «устремлений национальной культуры»¹².

Для решения сложнейшей задачи строительства будущей России «нужен прорыв в иной план исторического бытия и культурно-национального самосознания»¹³. С точки зрения профессора, эта задача будет непременно решена: «России самой удастся создать культурно-государственный тип, авторитетный для запада»¹⁴.

Важнейшим условием «возрождения старой мощи» должно было стать использование новых сил, вышедших из революции, «активного авангарда, разбуженного взрывом и прошедшего столь изнурительную школу за страдные годы революционной борьбы»¹⁵.

Нетрудно предположить, что «соглашательская», по мнению многих, позиция Н. В. Устря-

лова получила широкий отклик. Профессору приходилось отстаивать свои убеждения (по сути вести идейную борьбу) на разных фронтах политического пространства как внутри страны, так и за ее пределами – в российском зарубежье.

После выхода в свет сборника статей Н. В. Устрялова «В борьбе за Россию»¹⁶ в белоэмигрантской газете «Общее дело» вышла разгромная статья «Приспособление или протест». Ее автор, отражая позицию редакции, истолковал любые попытки примирения с большевиками как «тягчайшее преступление и против великой России, и против русской государственности». Сам автор нашумевшей книги по сути был обвинен в идеализме и непонимании экономических последствий большевистской политики. Утверждалось, что эти последствия «неизбежно приведут к интервенции и расчленению страны»¹⁷.

Справедливости ради следует отметить, что Н. В. Устрялов всегда придавал важное значение экономической составляющей в государственном строительстве. Например, в статье «Сменевехизм» он писал: «Цель и спасение состоит в том, чтобы оздоровление страны было направлено в русло спокойной экономической эволюции»¹⁸. Важность изменения экономической политики, налаживания хозяйства, задачи раскрепощения производственных сил были определены им еще в 1921 г. В очередной раз изобличив «хищеру коммунизма» уже в сфере хозяйствования, Устрялов отметил недопустимость «превращения страны в единую фабрику с центральным аппаратом производства и распределения»¹⁹.

Не могла остаться без внимания позиция сменевеховца Устрялова и со стороны лидера эмигрантских либералов П. Н. Милюкова. Редактируемая им газета «Последние новости» регулярно и, разумеется, критически освещала его деятельность. Духом полного неприятия «политики» Н. В. Устрялова пропитана изданная в Париже монография П. Н. Милюкова «Эмиграция на распутье»²⁰. Тема миропонимания оппонента в ней также присутствует.

В свою очередь, анализируя ситуацию в эмигрантском лагере, Н. В. Устрялов, в прошлом член партии кадетов, писал: «Основная ошибка Милюкова и его друзей состоит в том, что они еще ждут «призыва». А их вывод о «третьей революции» в корне ложен, зловреден с точки зрения интересов страны»²¹.

Постоянную полемику по вопросам «технических» общественных изменений в России–СССР, путей возвращения на Родину Н. В. Устрялов вел еще с одним бывшим политическим соратником по партии кадетов – П. Б. Струве. Последний, будучи непримиримым противником советской власти, опубликовал в газете «Руль» (ежедневная газета, выходила в 1920–1931 гг. в Берлине, редактировалась лидерами кадетской партии И. В. Гессеном и В. Д. Набоковым) критический материал в отношении национал-

большевизма и главного его идеолога. Ответ не заставил себя долго ждать. В том же 1921 г. (от 18 сентября) в «Новой жизни» появился «Ответ П. Б. Струве». Н. В. Устрялов, который упорно отстаивал идею дистанцирования советской власти от «догматического коммунизма», именно здесь обнаружил главное заблуждение своего идейного противника: «Решающая ошибка П. Б. Струве состоит в том, что он смешивает “большевизм” с “коммунизмом”»²².

Эта тема в контексте решающей роли русской интеллигенции в разрушении собственной страны получила дальнейшее развитие в статье «Интеллигенция и народ в русской революции»: «В большевиках и через большевизм русская интеллигенция преодолевает свой историческое отщепенство от народа и психологическое от государства»²³.

Следует отметить, что отстаивание идей «духовного возвращения интеллигенции на Родину», стремление ослабить накал антисоветских настроений в эмигрантской среде имели большое значение в общественно-политической и научной деятельности Н. В. Устрялова в начале 20-х гг. В статье «Три борьбы» им была предпринята попытка систематизации разных направлений антибольшевистской борьбы, охарактеризованы противники новой власти, дана оценка их политическим намерениям. Автор пришел к выводу, согласно которому все разновидности борьбы с революцией («белые», «зеленые» и т.д.) являются анахронизмами («России они решительно не нужны!»). В качестве альтернативы эмигрантской непримиримости предлагался путь поддержки разумных начинаний Советов («проснётся же когда-нибудь государственный инстинкт?»), что, по мнению ученого, совсем не означало потворство власти и принятие всех ее действий²⁴.

Известно, что качественные изменения в обществе, как правило, увязывают с энергичными действиями меньшинства и наличием признанного лидера. Примерно так случилось и в постимперской России. С точки зрения Н. В. Устрялова, успех большевизма в значительной степени был связан с «широтой кругозора» и «трезвостью реального политика» – лидера революции. В его представлении Владимир Ленин – «фантаст» и «практик» одновременно: «Подобно примерно «государю» Макиавелли он совмещает в себе качества льва и лисицы – в этом его сила и в этом успех большевизма»²⁵.

В своей работе «Памяти Ленина» Н. В. Устрялов отмечал, что Владимир Ульянов (Ленин) «был глубочайшим выразителем русской стихии в её основных чертах, ... несомненно русским с ног до головы» и волею исторических обстоятельств оказался орудием судьбы, радикально изменившим привычный порядок вещей²⁶. По сути возглавленная им русская революция, во-первых, коренным образом изменит политический и со-

циальный облик страны, принесет действительно новую жизнь; во-вторых, «оплодотворит» мировую историю, станет неотвратимым стимулом исторического прогресса; в-третьих, будучи порожденной национальной жизнью, революция в своем движении будет отражать национальные интересы и завершится органически, т. е. никакая внешняя, посторонняя ей сила не сможет прервать ее развития; в-четвертых, программа зенитного периода, принесшая стране столько разрушений, уже не повторится²⁷.

С начала 20-х гг. Н. В. Устрялов регулярно обращается к теме национального строительства в СССР, четко обозначенной еще в «Смене веков». В статье «Patriotica» легендарного сборника автор подчеркивал парадоксальную схожесть устремлений «интернационалистов» и «патриотов»: «Советская власть будет стремиться всеми средствами к восстановлению окраин с центром – во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же – во имя Великой и Единой России. При всём бесконечном различии идеологий, практически – путь один...»²⁸.

В статье «О советской нации» ученый выделяет два фактора, способствующие ее формированию. Во-первых, это поддерживаемая большевистской властью идея всечеловеческого объединения на началах социальной справедливости; во-вторых, романтика преобразования природы силой человеческого гения во имя благородных целей сообщества²⁹. Важными слагаемыми в деле консолидации «океана» народов, населявших страну, также являлись наличие единой государственности и власть идеи, обеспечивающей солидарность культурно-исторических устремлений народов.

Признавая позитивным движение в этом направлении, Устрялов отмечал, что решение столь масштабной задачи потребует времени и работы не одного поколения³⁰.

Тема «идеи-строительницы», а также сопряженной с ней идеологии, с разной степенью успешности влиявшая на народы, получила продолжение в статье «Пути синтеза (к познанию нашей эпохи)». 20–30-е гг. XX столетия в представлении профессора Устрялова стали временем не только хорошо известного по истории состязания народов, но прежде всего – соперничества идей, мировоззрений и, соответственно, связанных с ними путей развития. Одна из них – идея европейской буржуазной демократии. По мнению ученого, она являет собой «само оскорбление природы», «знак упадка и расслабленности»³¹.

Сокрушительным ударом по «европейским ценностям» стала прошедшая мировая война, «выигранная во имя «демократии» и ставшая «воплощением жадности, ссорившей из-за добычи государства»³². Дух зависти, отрицания, критиканства, отсутствие подлинного нравственного прогресса в полный рост поставили перед балканизированными европейскими народами

вопрос о власти и инструментах ее удержания (Право? Сила?)³³.

«Нужна идея, но её трагически не хватает нынешним европейцам... они живут среди обломков христианской культуры и держатся ещё только ими...»³⁴. Неизбежным следствием этого, считал Н. В. Устрялов, явилось отсутствие уверенности в завтрашнем дне и непредсказуемая будущность: «О, эти милые, уютные, наивные идеалы... Под ними хаос шевелится!»³⁵. Тем не менее, по его представлениям, попытки модернизации обветшалой идеи возможно ещё будут иметь место. В США, например, где президент Рузвельт «предпринял попытку легальной революции».

Наследником отмирающей буржуазной демократии в 20–30-е гг. стремился стать фашизм. Необходимо отметить, что это политическое течение пользовалось исключительной популярностью в Европе, постоянно находясь в центре общественной дискуссии. В русском эмигрантском сообществе к новой идее многие отнеслись скептически, особенно после объявленной Гитлером политики колонизации восточных земель (новый этап «*drang nach osten*»).

Признанным авторитетом в исследовании фашистской идеологии и практики был Николай Васильевич Устрялов. Его грамотная аналитика в отношении происходящего в фашистской среде, прежде всего в контексте сравнения с большевизмом, вызвала пристальный интерес в Европе, особенно в эмигрантской прессе. Издания разных политических ориентаций пытались разобраться в устряловском видении, как казалось некоторым, перспективной европейской идеи. Вот примеры лишь некоторых из публикаций, обращенных к этой теме: «О русском фашизме»³⁶ («Дни»), «Фашизм в понимании Н. В. Устрялова»³⁷ («Россия»), «Устрялов о Гитлере» («Последние новости») и др.³⁸

Какой же ученому виделась идея, стремящаяся занять свою нишу в европейской, а возможно, и глобальной картине мира? Прежде всего, она была для него радикально антихристианской. Даже в сравнении с большевизмом! «По содержанию своему фашизм представляет собой историческую силу более враждебную христианству, нежели большевизм... По внутренней сути он есть отступничество от живого Христа»³⁹.

С точки зрения Н. В. Устрялова, новая европейская идея не что иное, как «религия, носящая все признаки языческого мировосприятия и отмеченная печатью глубокой и трагической ущербности»⁴⁰. Так же было отмечено, что этот «поздний ренессанс языческих воззрений порочен» и являет собой «гигантский шаг назад по сравнению с христианской метафизикой единства и любви, эсхатологией всеобщего спасения»⁴¹.

Тем не менее очевидно, что фашизм оказался привлекательным для миллионов европейцев. За счет чего? Н. В. Устрялов по-своему попытался ответить и на этот вопрос: «Сила фашизма – в

интуиции конкретных социальных реальностей... Фашистская романтика остра и цепка, а сам фашистский этос насыщен текущим днём. Это – эмпиризм, порою чуткий и зрячий, но в конечном итоге бескрылый...»⁴². Именно «насушенная забота сегодняшнего дня», «шанс на улучшение земной жизни», как, вслед за Устряловым, отмечала эмигрантская газета «Россия» (редактор П. Б. Струве), определяли близкий и понятный европейскому обывателю социальный идеал фашизма⁴³.

Однако на самом деле при всей своей «фасадной жизни» и кажущейся привлекательности фашизм «реакционен, вызывающе шовинистичен» и непригоден для обустройства будущего⁴⁴.

С высоты ныне обретенного исторического опыта действительно пророческим выглядит предостережение Н. В. Устрялова, обозначенное задолго до суровых испытаний Второй мировой войны: «Фашизм – лукавое, двусмысленное орудие, способное обратиться против тех, кто им пытается владеть...»⁴⁵.

Еще одним мировоззренческим подходом, претендовавшим на глобальное влияние, была советская идея, облаченная в форму большевизма. Уже с 20-х гг. многие публицисты, исследователи и общественные деятели пытались сравнивать два этих взгляда на мироустройство будущего. Н. В. Устрялов обратил внимание на мысль Бенито Муссолини, сформулированную в 1924 г., о необходимости искать «синтез русского и итальянского опыта». Это, по мнению автора, выигршно отличало последнего от Гитлера с его «истинно ефрейторской философией русской революции»⁴⁶.

На самом деле в условиях кризиса общественного сознания, когда «люди, словно озверев от гуманизма, повернулись лицом к силе», фашизм и большевизм действительно практиковали очень схожие способы и технологии управления социумом: насилие, агрессивную пропаганду, «варварский авторитаризм» и т.д.⁴⁷

В некоторых проявлениях большевизм виделся даже более радикальным. Например, он был «вызывающе атеистичен» в сравнении с фашистской идеологией. Однако это лишь на первый взгляд, указывает Н. В. Устрялов: «В лозунгах всечеловеческого объединения, в идеологии бесклассового общества, где уже не будет роковой обусловленности сознания социальным бытием, большевизм невольно движется в атмосфере христианской культуры... если большевизм, в последнем счёте, своеобразно отстаивает социальные заветы христианской цивилизации, то фашизм предлагает существенно иную картину мира»⁴⁸.

Принципиальное различие двух предлагавшихся путей развития наблюдалось и в глубине осуществляемых преобразований. Если большевизм по-настоящему революционен не на словах, а на деле, «пусть дорогой ценой, но, несомненно, он открывает собой панораму подлинно новой эпохи», то фашизм организуется иначе⁴⁹. Он чуждается «революционной встряски», а лишь

перестраивает форму старого государства, острого ощущается менять его социально-хозяйственную сущность и тем самым недостаточен для спасения общества от межклассовых антагонизмов.

В статье «Новый град» профессор Устрялов, анализируя политическую ситуацию, писал следующее: «Гитлер утрачивает обаяние демагогической новизны и мечется между мощной властью монополистического капитала и давлением разношерстных масс»⁵⁰. Будущее же СССР представлялось ему вполне оптимистичным.

В своих «Записных книжках» он фиксирует шаги по стабилизации положения в стране: постепенно формируется базис для улучшения материальных условий жизни людей, сужается сфера внеправовых методов управления, укрепляется международное положение, наконец, есть признаки приближения нового советского гуманизма в «его положительном и творческом облике»⁵¹.

Н. В. Устрялов, без сомнения, верил в достойное будущее своей родины и считал, что в случае воплощения в жизнь задуманного «вырастет престиж советской власти, русской революции, а сама страна превратится в первоклассную мировую державу»⁵².

Научная, публицистическая и организаторская деятельность Николая Васильевича Устрялова – пример преданного служения своей Родине (даже за ее пределами), вдумчивого анализа социально-политических процессов, протекавших в России и мире в 20–30-е гг. XX в. Не будет преувеличением сказать, что многие его идеи и прогнозы оказались пророческими.

Поднятые автором животрепещущие проблемы, такие, как грамотная организация взаимодействия власти и народа, национальное строительство, значение фактора идеологии в осуществлении государственной политики, место и роль интеллигенции и многие другие, сохраняют свою актуальность и в наши дни. Конечно, некоторые оценки и суждения Н. В. Устрялова носят дискуссионный характер. Несмотря на это, его теоретическое наследие и деятельность – достойный вклад в сокровищницу русской политической мысли и историю страны.

Примечания

- 1 Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сборник статей. Харбин : Окно, 1920. С. 4.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 60, 62, 63.
- 4 Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех : сборник статей. Прага : Типография «Политика», 1921. С. 50–51.
- 5 Устрялов Н. В. Над бездной // Под знаком революции : сборник статей. Харбин : Русская жизнь, 1925. С. 1, 2, 5.
- 6 Устрялов Н. В. Две реакции // Под знаком революции... С. 36.
- 7 Устрялов Н. В. Перерождение большевизма // Под знаком революции... С. 6.
- 8 Устрялов Н. В. Над бездной // Под знаком революции... С. 2.
- 9 Устрялов Н. В. Две реакции // Под знаком революции... С. 36.
- 10 Устрялов Н. В. Обмирщение // Под знаком революции... С. 115.
- 11 См.: Устрялов Н. В. О нашей идеологии // Под знаком революции... С. 147.
- 12 Устрялов Н. В. О будущей России // Под знаком революции... С. 109.
- 13 Там же.
- 14 Там же. С. 108.
- 15 Устрялов Н. В. Редиска // Под знаком революции... С. 19.
- 16 Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сборник статей. Харбин : Окно, 1920. 82 с.
- 17 Приспособление или протест // Общее дело. 1921. № 231. 3 марта.
- 18 Устрялов Н. В. Сменовехизм // Под знаком революции... С. 171.
- 19 Устрялов Н. В. Редиска // Под знаком революции... С. 17.
- 20 Миллюков П. Н. Эмиграция на распутье. Париж : Издательство РДО, 1926. 137 с.
- 21 Устрялов Н. В. Сменовехизм // Под знаком революции... С. 171.
- 22 Устрялов Н. В. Национал-большевизм (ответ П. Б. Струве) // Под знаком революции... С. 25.
- 23 Устрялов Н. В. Интеллигенция и народ в русской революции // Под знаком революции... С. 242.
- 24 См.: Устрялов Н. В. Три борьбы // Под знаком революции... С. 56–61.
- 25 Устрялов Н. В. Перерождение большевизма // Под знаком революции... С. 8.
- 26 См.: Устрялов Н. В. Памяти Ленина // Под знаком революции... С. 230.
- 27 См.: Устрялов Н. В. Потерянная и возвращённая // Под знаком революции... С. 88.
- 28 Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех : сборник статей. С. 30.
- 29 См.: Устрялов Н. В. О советской нации // Наше время. Шанхай, 1934. С. 36.
- 30 Там же. С. 35.
- 31 Устрялов Н. В. Пути синтеза // Наше время... С. 78.
- 32 Устрялов Н. В. Судьба Европы // Под знаком революции... С. 333.
- 33 Там же. С. 334.
- 34 Там же. С. 339.
- 35 Устрялов Н. В. Шестой октябрь // Под знаком революции... С. 254.
- 36 О русском фашизме // Дни. 1928. № 8. 28 окт.
- 37 Фашизм в понимании Н. В. Устрялова // Россия. 1928. № 33. 7 апр.
- 38 Устрялов о Гитлере // Последние новости. 1933. № 4566. 22 сент.

- ³⁹ Устрялов Н. В. Пути синтеза // Наше время... С. 81. ⁴⁶ Там же. С. 156.
⁴⁰ Там же. С. 94. ⁴⁷ Там же.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же. С. 92, 93. ⁴⁸ Там же. С. 87, 92.
⁴³ См.: Фашизм в понимании Н. В. Устрялова. ⁴⁹ См.: Устрялов Н. В. Новый град // Наше время... С. 158.
⁴⁴ См.: Устрялов Н. В. Пути синтеза // Наше время... ⁵⁰ Там же. С. 161.
С. 81. ⁵¹ Устрялов Н. В. Из записных книжек // Наше время...
⁴⁵ Устрялов Н. В. Новый град // Наше время... С. 153. С. 188, 199.
⁵² Там же. С. 188.

Поступила в редакцию 21.06.2021, после рецензирования 25.06.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 21.06.2021, revised 25.06.2021, accepted 30.06.2021